

Михаил Булгаков, его время и мы

Коллективная монография под редакцией Гжегожа Пшебинды и Януша Свежего, Краков 2012

Марина Анатольевна Бондаренко*

Россия

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТВОРЧЕСТВА М. А. БУЛГАКОВА

Одной из значительных проблем, которая волнует сегодня ученых в различных областях гуманитарного знания, является утрата культуры чтения, постепенное снижение интереса к книге, прежде всего к художественной. Именно данные процессы во многом обуславливают падение общекультурного уровня современного человека, что особенно заметно в нравственно-эстетической и языковой сферах.

Современное состояние филологической подготовки выпускников средних учебных заведений России не только не способствует совершенствованию речевого опыта учащихся, но в результате произошедших кардинальных изменений в структуре самой подготовки приводит к утрате мотивации формирования языковой компетентности. Это происходит не в последнюю очередь по причине внедрения новой системы аттестации – единого государственного экзамена по русскому языку. Порочной выглядит не сама идея внедрения такой формы экзамена, но сопутствующие ей процессы: формализация содержания, подмена изучения пред-

---

* Кандидат педагогических наук, профессор кафедры русского языка Академии труда и социальных отношений в Москве, член Союза писателей России.

мета подготовкой к сдаче экзамена, методические просчеты, порой даже несоответствие материала, выносимого на экзамен, языковой практике и научным представлениям.

Но главное – умаление статуса русской литературы в филологической подготовке учащихся. Исчезновение литературы из числа обязательных экзаменационных предметов повлекло за собой фактическое снижение статуса предмета до второразрядного, необязательного, выражаясь по-булгаковски, сделало ее «осетриной второй свежести». В стране с литературоцентричной культурой это стало одной из основных причин системных сбоев в языковом сознании нации, что наиболее явственно находит свое отражение в низкой речевой компетентности прежде всего молодого поколения.

На первое место в данной ситуации стоит поставить не то, что привычно выносится как наиболее заметное «поражение» речевого пространства – насыщение его инвективной, жаргонной, иноязычной и семантически опустошенной лексикой – но гораздо более серьезные изъяны, причиной которых стало отсутствие читательского опыта, – резкое сокращение лексического запаса, что, как известно, свидетельствует о низком интеллекте, а также неумение создавать тексты, констатирующее в свою очередь факт языковой недоразвитости.

Преподавать в вузе лингвистические дисциплины, в том числе курс русского языка и культуры речи, без учета данных негативных тенденций было бы сегодня недальновидно. Это ориентирует преподавателей на поиск таких форм организации учебной деятельности, которые способствовали бы преодолению сложившегося положения.

Одним из действенных способов активизации языкового сознания современных студентов, способным расширить их представление о национальной языковой картине мира, о неисчерпаемых возможностях русской речи, в том числе и в плане противостояния негативным речевым процессам, не говоря уже о собственно формировании речевого опыта, становится использование при организации учебной деятельности художественных текстов. Такая практика способна актуализировать получаемые по всей языковой системе знания, в том числе и с целью проникновения в план содержания текста, раскрытия внутренних, скрытых на первый взгляд смыслов, а также ограничить восприятие языка только как системы знаков в пользу изучения его как системы символов, открывающей возможности интерпретации, и, как следствие вышесказанного, – усилить творческую составляющую процесса языкового по-

знания, восстановить интерес к русскому языку, выработать языковой вкус и стимулировать потребность к языковой рефлексии.

Одним из основных аргументов в плане выбора материала для такой работы становится авторитет языковой личности автора. Среди лидеров читательского предпочтения, как показывают исследования, уже не одно десятилетие продолжает оставаться роман Михаила Афанасьевича Булгакова *Мастер и Маргарита*. Представленный в школьной программе, он, в отличие от большинства других произведений и несмотря на общую тенденцию снижения интереса к чтению как таковому, все-таки читается. И экранизация романа, и его театральные постановки не становятся тем единственным источником, который знакомит молодое поколение с Булгаковым, опять же в отличие от основного числа других произведений русской классической литературы.

Такая популярность и определяет использование булгаковского текста в учебном процессе. Результатом этого становится и совершенствование языковых компетенций учащихся, и формирование представления об уникальном стиле писателя, его индивидуальности. Более глубокое проникновение в булгаковский текст позволяет открыть в писателе те горизонты, которые оказываются скрытыми от читателя поверхностного, не замечающего, как правило, ни особенностей представления писателя о мире, ни значительности его мысли, ни совершенства ее воплощения, проявляющихся в первую очередь через слово.

Булгаков предлагает достаточно широкий диапазон текстов, которые могут использоваться при изучении различных стилей и функционально-смысловых типов речи, их взаимопроникновения и взаимодействия. Помимо художественных произведений, можно задействовать в работе письма литератора, его публицистику, оценить мастерство Булгакова-инсценировщика.

Багаж булгаковского наследия настолько велик, что, даже выбрав из него несколько, на наш взгляд, могущих быть удачно использованными произведений, прежде всего, конечно, *Мастера и Маргариту*, а также *Белую гвардию*, мы будем вынуждены ограничиться лишь небольшими отрывками из названных сочинений, в то время как любая их страница способна стать благодатным исследовательским полем.

Материал булгаковских сочинений дает прекрасную возможность освоить лексические средства русского языка. Синонимия, в том числе контекстная, антонимия, стилистически высокая и сниженная лексика, лексическая сочетаемость и ее нарушение как стилистическое средство, окказиональное, в том числе ономастическое словообразование, фразео-

логия, устаревшая и профессиональная лексика, использование просторечия и сленга – уже сам перечень отражает колоссальный дидактический потенциал наследия писателя. И, разумеется, освоение синтаксиса Булгакова дает широкое поле для представления о возможностях русского языка. Задания на сопоставление булгаковских текстов с отрывками из произведений других писателей, «перевод» его конструкций на «нормальный» язык и наоборот, то есть стилизация, с одной стороны, позволят подчеркнуть индивидуальность автора, с другой – получить мастер-класс.

Предлагаемый здесь материал может быть использован преподавателем при совершенствовании речевых компетенций учащихся в учреждениях с русским как родным языком обучения, полезен он будет и на продвинутом этапе освоения русского языка как иностранного. В этих случаях неформальный подход к отбору материала значительно более продуктивен, чем использование традиционных материалов, представленных в учебных пособиях.

Одним из привлекательных для читателя аспектов булгаковского повествования в *Мастере и Маргарите* является пронизывающая произведение ирония, иногда открытая, прямая, а иногда и завуалированная. А поскольку иронический эффект достигается с помощью различных стилистических приемов, использования тропов, фигур, разнообразных риторических оборотов, то и при анализе этого компонента осваивается значительный объем языкового материала.

Предложим учащимся проанализировать отрывки из пятой главы романа *Мастер и Маргарита* – *Дело было в Грибоедове*.

Открывается глава описанием самого дома, как известного, не существовавшего в действительности, а созданного в воображении автора и сочетавшего в своем облике черты нескольких московских зданий, хорошо известных писателю: Дома печати (Никитский бульвар, 8), ресторана Жургаза (Стастной бульвар, 11) и Центрального Дома литераторов (Поварская, 50)¹:

Старинный двухэтажный дом кремового цвета помещался на бульварном кольце в глубине чахлого сада, отделенного от тротуара кольца резною чугуною решеткой. Небольшая площадка перед домом была заасфальтирована, и в зимнее время на ней возвышался сугроб с лопатой, а в летнее время она превращалась в великолепнейшее отделение летнего ресторана под парусиновым тентом².

¹ К. Стародуб, *Литературная Москва*, Москва 1997, с. 52.

² М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*, в кн.: он же, *Романы*, Москва 1988, с. 428.

Описание, открывающее главу, выдержано в достаточно «пристойных» тонах: речь типично книжная, с причастиями, суперлативом, большим числом прилагательных. В описании выделяется прилагательное «чахлый», то есть «вянущий, слабый», и существительные «лопата» и «сугроб». Прилагательное дисгармонирует с окружением семантически, будучи наделено внутренней экспрессией, а существительные, хотя и относятся к нейтральной лексике, в сочетании с глаголом «выскальзав» приобретают ироническую окраску. Этот эффект усиливается и за счет противительной конструкции последнего предложения, по сторонам которой два неравновесных компонента – «сугроб с лопатой» и «великолепнейшее отделение летнего ресторана под парусиновым тентом». (Можно также заострить внимание на «любимом» цветочном прилагательном Булгакова – «кремовый», вспомнив, в частности, «кремовые шторы» в доме Турбиных, соотнеся звуковое, семантическое и ассоциативное наполнение слов «кремовый» и «чахлый»).

Следующий абзац дополняет описание места действия рассуждением о названии, которое закрепилось за домом, и сопоставление этого рассуждения с предшествующим ему описанием позволяет выявить те языковые приемы, которые автор использует для создания иронического эффекта.

Дом назывался «Домом Грибоедова» на том основании, что будто бы некогда им владела тетка писателя – Александра Сергеевича Грибоедова. Ну владела или не владела – мы точно не знаем. Помнится даже, что, кажется, никакой тетки-домовладелицы у Грибоедова не было... Однако дом так назывался. Более того, один московский врун рассказывал, что якобы вот во втором этаже, в круглом зале с колоннами, знаменитый писатель читал отрывки из *Горя от ума* этой самой тетке, раскинувшейся на софе. А впрочем, черт его знает, может быть, и читал, не важно это!³

Первое, что бросается в глаза, – явная смена манеры повествования: от развернутого, книжного, размеренного, плавного слога – к типично разговорным конструкциям, в то же время включающим в себя и явно деловой оборот – «на том основании», и несобственно-прямую речь, принадлежащую «московскому вруну». Выделим разговорные конструкции: частое использование служебных слов, в том числе их контактное расположение: «что будто бы», «что якобы вот» (отметим их синонимиию); значительное насыщение речи вводными словами: «помнится», «кажется», «более того», «а впрочем», «может быть» и как вершина – грубо-раз-

---

³ Там же, с. 429.

говорное «черт его знает». Последнее выражение является центральной частью конструкции, состоящей из трех элементов, расположенных линейно: «а впрочем, черт его знает, может быть». Поскольку выражения со словом «черт» нередки в булгаковской прозе (вот лишь некоторые сочетания из *Мастера и Маргариты*: «к черту на куличики», «фу ты черт», «куда тебя черт несет», «к черту», «к чертовой матери», «черт возьми», «черт знает», «молоть черт знает что», «какие к черту», «на кой черт», «ну тебя к черту», «черт знает что такое», «черт знает почему», «ко всем чертям», «черт тебя / меня побери», «какого черта надо»), в качестве индивидуального задания можно подготовить анализ выдержек из толкового и фразеологического словарей, которые включают в себя обороты со словом «черт», а также проанализировать этимологию слова и причину столь широкого использования в разговорной речи представленных словосочетаний, в том числе частотности их в булгаковской прозе.

Анализируя лексику данного отрывка, остановимся на слове «врун» и рассмотрим синонимический ряд, в который оно входит: в его составе нейтральные «лгун», «лжец» и «обманщик», разговорные «врун», «враль» и «пустослов» и просторечное, презрительное «брехун». Постараемся объяснить выбор, сделанный писателем.

Следующим объектом внимания станет слово «тетка», использованное в данном отрывке трижды. Тетка – это «сестра отца или матери, а также жена дяди»⁴. В этом значении слово употребляется в первых двух случаях, однако уже в самом начале оно соседствует с развернутым, уважительным наименованием племянника – «Александр Сергеевич Грибоедов», что не может не подчеркнуть невеликость упомянутой родственницы. А в последнем случае – во фразе «знаменитый писатель читал отрывки из *Горя от ума* этой самой тетке, раскинувшейся на софе» – за счет предыдущего и окружающего слово контекста оно уже имеет открытый иронический оттенок, соответствующий второму значению многозначного слова – «вообще женщина (чаще пожилая)»⁵, и характеризуется как просторечное. В соседстве же с «колоннами», «залом», *Горем от ума*, а также в прямом контакте с действительным причастием и «софой» разговорность его усиливается, так же, как за счет зависимых от него местоимений – «этой самой».

В главе слово «тетка» будет использовано еще несколько раз: «на ореховых теткинских дверях», «зал с колоннадой, где тетка наслаждалась

⁴ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов, отв. ред. Н. Ю. Шведова, Москва 2008, с. 982.

⁵ Там же.

комедией гениального племянника», «нижний этаж теткиного дома», «пахло луком из подвала теткиного дома». Нетрудно заметить, что все данные случаи употребления этого слова имеют иронический оттенок.

Ирония сменяется сарказмом при описании внутреннего содержания дома литераторов. В создании этого описания значительная роль отводится надписям на дверях кабинетов, причем нелепость этих надписей подчеркивается небольшими ремарками, усиливающими комический эффект: «Рыбно-дачная секция» (сделана крупными буквами, дополнена изображением карася, попавшегося на уд; в словаре «уда» имеет пометы: просторечное и областное⁶); «что-то не совсем понятное „Однодневная творческая путевка. Обращаться к М. В. Подложной”»; «вовсе непонятная надпись: „Перельгино”»; «Запись в очередь на бумагу у Поклевиной», «Касса», «Личные расчеты скетчистов». Изнанка дома московских литераторов, никак не соответствующая высокой творческой миссии последних, развернута и при помощи огромного, названного Булгаковым «роскошным» плаката со следующей подписью:

Полнообъемные творческие отпуска от двух недель (рассказ-новелла) до одного года (роман, трилогия). Ялта, Суук-Су, Боровое, Цихидзири, Махинджаури, Ленинград (Зимний дворец)⁷.

Прокомментируем абсурдность созданных автором сложных прилагательных (рыбно-дачная, полнообъемные) и остановимся на характеристике имен собственных, которые в данной главе представлены весьма широко.

Топонимы, использованные в рекламном тексте, – реальные географические названия, которые встречаются у Булгакова и в других произведениях. В частности, в *Записках на манжетах* читаем:

Цихидзири, Махинджаури, Зеленый Мыс! Магнолии цветут. Белые цветы величиной с тарелку. Бананы. Пальмы!⁸

Соседство этих реальных названий с непонятной надписью «Перельгино» усиливает саркастическую роль последнего. Для разъяснения данного наименования обратимся к словарю В. И. Даля. В нем рядом с «перельгать» размещен более понятный сегодняшнему читателю гла-

⁶ Там же, с. 1018.

⁷ М. Булгаков, *Мастер и Маргарита...*, с. 430.

⁸ М. Булгаков, *Записки на манжетах*, в кн.: он же, *Собрание сочинений. В шести книгах*, кн. 2, Санкт-Петербург 1993, с. 418.

гол «перелгать». Толкуются они следующим образом: «перевирать, передавать чужую ложь; извращать и перевирать вести»⁹.

Переходя к антропонимам, мимо которых в данной главе (как и в целом в романе) пройти невозможно, остановимся сначала на уже встретившихся женских фамилиях.

«Подложная». Для характеристики данного слова можно использовать как словарь современного русского языка, так и словарь Даля. Последний дает возможность увидеть взаимосвязь слов «Перельгино» и «Подложная» через общий корень «ложь, лгать»: подлог – «обман, состоящий в подделке, подстановке одной вещи вместо другой; фальшь, подмена, подделка, облыжное дело»; подложный – «составляющий собой подлог, поддельный, подставной, для обмана выдаваемый за истинный, за подлинный, настоящий»¹⁰.

«Поклёвкина». У Даля находим интересное употребление слова «поклёв»: «порча, убыток, от поклеванья птицей»¹¹. Не случайно данное слово за счет созвучия ассоциируется у читателя с «поклёпом», тем более что персонаж Булгакова отвечает за выдачу бумаги, на которой и пишутся эти наветы.

При определении значения таких фамилий, как Бескудников, Двубратский, Желдыбин, Жукопов, можно предложить учащимся «поиграть» со словами, рассматривая каждое из них как шараду, составленную из нескольких слов.

Небезынтересным оказывается и комментарий имен и фамилий других московских литераторов (Берлиоз, Понырев, он же Бездомный; Непременова, она же Штурман Жорж, Загринов, Иероним Поприхин, Тамара Полумесяц, Глухарев, Лаврович, Абабкин, Павианов, Богохульский, Квант, Сладкий, Шпичкин, Хустов, Адельфина Буздяк, Рюхин, Латунский, Петраков-Суховай), а также представителей других интеллигентских сообществ Москвы (Семейкина-Галл, Витя Куфтик, Боба Кандалупский), в том числе работников «культурной» сферы (Лиходеев, Римский, Жорж Бенгальский, Варенуха).

Такой комментарий предлагается выполнить через рассмотрение корневой семантики, подбор синонимов и антонимов, выявление ассоциаций, определение роли звукового состава. Результатом данной работы может стать вывод о том, как фамилии мимолетных, «проходящих» пер-

---

⁹ В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах*, т. 3, Москва 1994, с. 65.

¹⁰ Там же, с. 181.

¹¹ Там же, с. 241.

сонажей помогают создать общую картину положения дел в писательской организации, возглавляемой обезглавленным героем со звучной музыкальной фамилией Берлиоз, отвергнувшим не имеющего в романе ни имени, ни фамилии Мастера.

Доверить характеристику писательской братии можно анализом диалога, который ведут перед зданием МАССОЛИТа в двадцать восьмой главе Бегемот и Коровьев. Остановимся на нескольких фразах, принадлежащих Коровьеву:

1. Приятно думать о том, что под этой крышей скрывается и вызревает целая бездна талантов.

2. [...] и сладкая жуть подкатывает к сердцу, когда думаешь о том, что в этом доме сейчас поспевает будущий автор *Дон Кихота*, или *Фауста*, или, черт меня побери, *Мертвых душ!*

3. [...] удивительных вещей можно ожидать в парниках этого дома, объединившего под своєю кровлею несколько тысяч подвижников, решивших отдать беззаветно свою жизнь на служение Мельпомене, Полигимнии и Талии. Ты представляешь себе, какой поднимется шум, когда кто-нибудь из них для начала преподнесет читающей публике *Ревизора* или, на самый худой конец, *Евгения Онегина!*¹²

Предложим учащимся выделить элементы высокого стиля в речи персонажей, объяснить причину употребления слов «бездна», «кровля», «подвижник», «служение», определить, к каким группам относятся употребленные в диалоге имена собственные, какого эффекта достигает автор, употребив по соседству с названными словами элементы типично разговорного характера, как лексические, так и синтаксические, задуматься над тем, можно ли в данном случае вести речь об изменении общей тональности – с иронической на издевательскую.

Наблюдение над использованием в булгаковском тексте высоких элементов для создания сатирического эффекта может быть дополнено обращением к тем текстам, где выбор высокого стиля объясняется совершенно другими причинами – к письмам писателя.

Глубокоуважаемая Наталия Алексеевна, тяжкое нездоровье мое (насморк, кашель, ломота в костях) помешали мне лично засвидетельствовать Вам почтение и убедиться в том, насколько подвинулись вперед почтенные труды Ваши на полях отечественной драматургии.

Буде угодно Вам прибыть к больному в дневные часы сего 20-го декабря, то не только могу предложить Вам беседу на литературные темы, но равно также и обед. А буде негодно, то вечером позвоните. Но лучше буде угодно,

¹² М. Булгаков, *Мастер и Маргарита...*, с. 708–709.

часа 3 или 4 или 5, когда угодно. В ожидании почтеннейшего визита Вашего остаюсь покорный слуга М. Булгаков¹³.

Характеризуя данный текст, отметим те элементы, которые подчеркивают уважительное отношение писателя к своему адресату: формы прилагательных, многократное повторение местоимения «Вы», устаревший условный союз «буде», повторенный трижды, и книжный союз «равно также и», книжное выражение «в ожидании визита», словесный ряд «тяжкое нездоровье», «засвидетельствовать почтение», «почтенные труды», «поля отечественной драматургии», «покорный слуга».

В письмах Булгакова можно найти яркие явления и другого рода. Вот, например, как изображает Михаил Афанасьевич свою новую домработницу:

У нас новая домработница, девица лет 20-ти, похожая на глобус. С первых же дней обнаружилось, что она просто по-крестьянски скупа и расчетлива, обладает дефектом речи и богатыми способностями по счетной части, считает излишним существование на свете домашних животных – собак и котов («кормить их еще, чертей») и страдает при мысли, что может опоздать с выходом замуж. Но кроме всего этого в девице заключался какой-то секрет, и секрет мучительный. Наконец он открылся: сперва жена моя, а затем я с опозданием догадались – девица оказалась трагически глупа¹⁴.

Работая с этим отрывком, выделим неожиданное сравнение «похожая на глобус», определим роль в характеристике кратких прилагательных, работая над статьей толкового словаря к слову «девица», выявим, в каком из двух значений оно употреблено у Булгакова, охарактеризуем экспрессивное словосочетание «трагически глупа», использование стилистической фигуры повтора, просторечное наречие «сперва».

Стабильно вызывает интерес поиск в булгаковских текстах именно просторечных слов, а также сленга, помогающих увидеть значение речевой характеристики персонажа для создания его полного образа. Приведем лишь несколько примеров такой работы.

Иллюстрацией может стать двенадцатая глава *Мастера и Маргариты* – *Черная магия и ее разоблачение*, в которой за счет смешения лексических элементов разных уровней в значительной мере создается сатирический облик происходящего. Наиболее эксцентрична в этом плане речь Фагота, в которой мы находим (как в самой речи, так и в ремар-

¹³ М. Булгаков, *Письмо к Н. А. Венкстерн от 20 декабря 1931 г.*, в кн.: он же, *Собрание сочинений...*, кн. 6 (1994), с. 345–346.

¹⁴ М. Булгаков, *Письмо П. С. Попову от 25 января 1932 г.*, в кн.: он же, *Собрание сочинений...*, кн. 6, с. 347–348.

ках), помимо обращенных к Воланду уважительных и книжно организованных выражений, такие слова, которые не скрывают издевательского отношения к присутствующим в театре: «соврамши», «залихватски», «шаркнув», «таперича», «шайка», «ась», «молоть чушь», «надоедала» (сущ.), «сплавили», «надевалка», «наглый гаер», «хамский вопрос», «натурально», «надувало» (сущ.) и другие, особенно ярко проявляющиеся в развернутых, насыщенных стилистическими фигурами предложениях. Работая с этой частью главы, можно остановиться и на встречающихся здесь варваризмах, попросив прокомментировать: «авек плезир», «эйн, цвей, дрей», «Герлэн», «Шанель», «Мицуко», «Нарсис Нуар», а также выделить достаточно популярный сегодня сленговый элемент «класс!». Последнее слово может направить работу в область поиска подобных данному слову лексем, которые встречаются у Булгакова и во многих его рассказах. Это поможет выявить время вхождения данных лексем в язык, а также среду, сформировавшую эту группу, что, в свою очередь, даст определенный ориентир в плане отношения к соответствующей лексике в собственной речевой практике. Вот, к примеру, фрагмент из *Путевых заметок*, в которых использовано сленговое слово «лимон», в современном языке даже более частотное, чем его нейтральный прародитель «миллион»:

В Нежине, вынырнув из-под колес вагона, с таинственным и взбудораженным лицом выскакивает мальчишка. Под мышками у него два бочонка с солеными огурцами.

– Пятнадцать лимонов! – пищит мальчишка.

– Давай их сюда! – радостно кричат пассажиры, размахивая деньгами¹⁵.

Наиболее интересно с точки зрения характеристики стиля М. А. Булгакова, конечно, наблюдение над его синтаксисом. Здесь обширнейшее поле деятельности. К поиску материала для такой работы можно подключить самих учащихся, как правило, хорошо справляющихся с данной работой. Остановимся на нескольких примерах.

Работа над описаниями двух домов – дома Турбиных и квартиры Лисовичей (роман *Белая гвардия*) – позволяет проиллюстрировать широкое использование Булгаковым амплификации, антитезы, периода, градации, параллелизма и других приемов. Предложим учащимся сопоставить элементы описания интерьера в двух этажах дома – в квартирах Турбиных (глава 1) и Лисовичей (глава 3), определив, за счет каких средств создает-

¹⁵ М. Булгаков, *Путевые заметки*, в кн.: он же, *Собрание сочинений...*, кн. 3 (1993), с. 230.

ся атмосфера, царящая в каждой из этих квартир, и в какой мере окружающая обстановка характеризует их обитателей. Со значением неясных слов (в том числе «Станислав на шее», «гарусный петух», «игральный крап», «гавот», «изразец») предложим познакомиться, используя толковые словари.

Сопоставление выражений, встречающихся в каждом из описаний, ярко иллюстрирует использованный Булгаковым прием контраста (развернутую антитезу): «пышущая жаром изразцовая печка» – «тьма спаленки прохладной и сырой квартиры»; «лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом, с Наташей Ростовской, Капитанской Дочкой» – «тесно заставленный, занавешенный, забитый книгами», «мощным строем стоял золото-черный конногвардеец Брокгауз-Ефрон»; «жарко, уютно, кремовые шторы», «на белизне скатерти свежие букеты тепличных роз» – «пахло мышами, плесенью, ворчливой сонной скукой» и др.

Этот же прием прокомментируем сопоставлением портретов, например, Тальберга и Мышлаевского. Обратим внимание на цветовые и экспрессивные детали в изображении офицеров, на использование инверсии, на неожиданные, редкие элементы. Особенно выделим то, что описание Мышлаевского цельно, полно, а портрет Тальберга собирается по крупицам на протяжении всей второй главы. Как в облике каждого из героев отражается авторская симпатия и антипатия? Какие детали наиболее контрастны? Кого напоминает Тальберг? Какие ассоциации возникают у читателя, знакомящегося с ним?

Мышлаевский: «голова очень красива, странной и печальной и привлекательной красотой давней, настоящей породы и вырождения», «разные по цвету, смелые глаза», «длинные ресницы», «нос с горбинкой», «губы гордые», «лоб бел и чист», «уголок рта приспущен печально», единственная странная деталь – «неправильный женский подбородок».

Тальберг: «двуслойные глаза», «пояс широк и тверд», «поджарая фигура», «возвышался высокой штабной колонной», «вечная патентованная улыбка», «редко расставленные, но крупные и белые зубы», «двухэтажные глаза», «щетки черных подстриженных усов».

Достаточно интересно проходит при работе над стилистическими приемами, использованными Булгаковым, сопоставление его текстов с отрывками из произведений Н. В. Гоголя, например, *Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*. Избыточность как элемент стиля отличает обоих писателей и иллюстрируется многократно, прежде всего за счет использования чрезвычайно длинных одно-

родных рядов, обилия деталей, например, в описании ассамблеи, которую давал городничий в *Повести...* Гоголя и в описании дамского магазина в *Мастере и Маргарите*. Любимые гоголевские приемы – нагромождение предметов, обилие разнообразных цветов, зевгма, повторы, уменьшительные формы слов – встречаем и у Булгакова. Вот «гоголевские» платья: красные, желтые, кофейные, зеленые, синие, новые, перелицованные, перекроенные, а вот «булгаковские» туфли: черные, белые, желтые, кожаные, атласные, замшевые, и с ремешками, и с камушками. Пожалуй, неслучайно даже количественное совпадение определений! Явные переклички текстов двух авторов высвечивают глубокие связи писателей разных эпох, проявляющиеся, как становится видно, уже на языковом уровне, и позволяют студентам задуматься над тем, каковы причины такого сходства.

Продуктивно также сравнение «высокого» слога Гоголя и Булгакова, создаваемого с помощью риторических фигур. Предложим студентам найти такие фигуры речи и соотнести их пафосность, восторженность и поэтичность с приземленностью, бытовизмом предмета умиления. Риторические приемы встречаем у Гоголя в уже названном развернутом описании ассамблеи, у Булгакова используем для анализа меню ресторана дома литераторов.

Помнят московские старожилы знаменитого Грибоедова! Что отварные порционные судачки! Дешевка это, милый Амвросий! А стерлядь, стерлядь в серебристой кастрюльке, стерлядь кусками, переложенными раковыми шейками и свежей икрой? А яйца-кокотт с шампиньоновым пюре в чашечках? А филейчики из дроздов вам не нравились? С трюфелями? Перепела по-генуэзски? Десять с полтиной! Да джаз, да вежливая услуга! А в июле, когда вся семья на даче, а вас неотложные литературные дела держат в городе, – на веранде, в тени вьющегося винограда, в золотом пятне на чистойшей скатерти тарелочка супа-прентаньер? Помните, Амвросий? Ну что же спрашивать! По губам вашим вижу, что помните. Что ваши сижки, судачки! А дупеля, гаршнепы, бекасы, вальдшнепы по сезону, перепела, кулики? Шипящий в горле нарзан?! Но довольно, ты отвлекаешься, читатель! За мной!..¹⁶

Работая над этим монологом, прежде всего определим общий настрой, охарактеризуем способы создания восторженного состояния, переживаемого говорящим, его интонационное наполнение, оценим протяженность предложений, определим, какие фигуры речи преобладают. Предложим найти гипофору, парцелляцию, градацию, анафору. Задума-

¹⁶ М. Булгаков, *Мастер и Маргарита...*, с. 431.

емя, с какой целью Булгаков дает такое обстоятельное представление блюд, найдем те лексические элементы, которые требуют работы с толковыми словарями, в том числе варваризмы (работая с «супом-прента-ньер», предложим студентам посмотреть на меню, предлагаемое Стиве Облонскому, герою романа Л. Н. Толстого *Анна Каренина*, который предпочитает употреблять выражение «суп с кореньями»). Определим роль данного монолога в структуре главы.

Детальное проникновение в булгаковский текст способствует значительному развитию языковых компетенций студентов, актуализации получаемых в области лингвистических дисциплин знаний, формированию сознательного, рефлексивного подхода к собственной речевой практике. А кроме того, более глубокому проникновению в мир писателя, так много говорящего тому, кто умеет читать то, что скрывается и за горькой усмешкой автора, и за восторженным монологом, и за грустной, мягкой улыбкой тонкого и загадочного русского интеллигента.